

Внезапные грубые выкрики нарушили уютный миг воссоединения матери и сына. Е Юйцинь вздрогнула и инстинктивно заслонила собой Хань Юя.

— О нет, эти мучители снова пришли, — прошептала она. — Сяо Хань, быстро прячься под кровать, я сама с ними разберусь.

Даже перед лицом опасности она не забыла о своем материнском долге, без колебаний встав на защиту сына. Хань Юй почувствовал, как к горлу подкатил ком.

— Мама, отдохни. Раз уж я вернулся, отныне я буду защищать тебя. Я больше не позволю причинить тебе ни малейшего вреда.

У дракона есть заветная чешуя, прикосновение к которой означает смерть. Тот, кто посмел тронуть хоть один волос на голове матери, перешел черту, и Хань Юй не допустит этого, его гнев будет подобен бушующему пламени.

— Сяо Хань, эти люди пришли за деньгами. Я уже приготовила пятьсот юаней, чтобы откупиться от них. Не вмешивайся, спрячься, выйди, когда все утихнет.

Е Юйцинь не хотела, чтобы сын пострадал хоть немного. Она на ощупь добралась до двери и заговорила:

— Господа, дела в лавке идут плохо, тридцать тысяч мне никак не собрать. Я во всем себе отказывала и накопила лишь пятьсот юаней. Возьмите пока их, а в следующем месяце...

Хлоп!

Не успела она договорить, как один из хулиганов с желтыми волосами выбил деньги у нее из рук.

— Старая слепая карга, ты что, принимаешь нас за нищих? Думаешь, пятью сотнями отделаешься? Я давал тебе месяц, чтобы собрать всю сумму, а ты до сих пор ничего не принесла! Жить надоело?

Пятьсот юаней, накопленные ценой тяжких лишений, рассыпались по полу. Сердце Е Юйцинь сжалось от боли. Она была слепа и зарабатывала на жизнь массажем, и эти деньги были ее единственной надеждой на пропитание в следующем месяце. В отчаянии она опустилась на колени и принялась шарить руками по полу, пытаясь найти купюры.

— Черт, ты еще смеешь их собирать? Жить надоело? Я раздавлю тебя, старая слепая ведьма! — выругался желтоволосый и занес ногу, чтобы наступить на ее руки.

Но в тот самый миг, когда его нога опустилась, другая нога преградила ей путь. Желтоволосый поднял глаза и увидел незнакомого парня. Подумав, что это очередной клиент, он взвизгнул:

— Эй, парень, не лезь не в свое дело! Ты хоть знаешь, кто я такой?

Хань Юй смотрел на наглеца, и в его глазах вспыхнула жажда убийства. Неужели, пока его не было, мать постоянно терпела подобные издевательства? Разве люди, способные обидеть несчастную слепую женщину, вообще заслуживают того, чтобы их называли людьми?

— Чем она перед вами провинилась? Я отвечу за нее! — Хань Юй с трудом сдерживал ярость.

Он не хотел проливать кровь на глазах у матери. Но эти слова лишь разозлили хулиганов.

— О, решил заступиться? Ну что ж, тогда с тебя шестьдесят тысяч за решение вопроса!

Шестьдесят тысяч! Цена выросла вдвое. Какая наглость! Е Юйцинь поспешно заговорила:

— Господа, прошу прощения! Мой сын еще молод и неразумен, не судите его строго. Тридцать тысяч я отдам, я сейчас же пойду и займу денег, прошу, успокойтесь!

Увидев, что она испугалась, желтоволосый стал еще наглее:

— Так это твой сын? Скажи ему, чтобы был поосторожнее. Если разозлит меня, твой массажный кабинет больше не откроется.

Е Юйцинь принялась усердно кланяться:

— Да-да, конечно, прошу, не гневайтесь.

Это были местные уличные бандиты, и если их разозлить, спокойной жизни не видать. Хань Юй больше не мог терпеть, но ради матери решил сдержаться:

— Хорошо, шестьдесят тысяч — это пустяк. Но у меня сейчас нет таких денег. Если хотите, пойдемте со мной до банка напротив, я сниму.

Услышав о деньгах, глаза хулиганов загорелись.

— Ого, не ожидал, что у слепой старухи такой богатый сынок. Парни, сегодня наш день! Ну что, пошли, парень. Только смотри, не вздумай шутить, иначе мы разнесем этот кабинет в щепки!

— Сяо Хань... — Е Юйцинъ была в ужасе. Шестьдесят тысяч — это огромная сумма, а сын пять лет провел в тюрьме, откуда у него такие деньги?

Хань Юй слегка улыбнулся, пытаясь ее успокоить:

— Мама, не волнуйся, я скоро вернусь. Отдыхай.

Сказав это, он вышел. Хулиганы радостно последовали за ним. Е Юйцинъ осталась у двери, с тревогой ожидая возвращения сына.

Они зашли в безлюдный переулок. Желтоволосый вдруг понял, что это совсем не дорога к банку, и не выдержал:

— Эй, ты что, решил нас надуть? Мы же все дальше уходим от банка!

Хань Юй остановился и медленно обернулся. Гнев, который он так долго подавлял, вырвался наружу, словно бушующий пожар. Убийственная аура накрыла переулок, как штормовой ветер.

— До банка здесь действительно далеко, зато до ада — рукой подать!

Хлоп!

С этими словами он отвесил желтоволосому звонкую пощечину.

— Пф!

От силы удара того отшвырнуло, он с грохотом врезался в стену и выплюнул целый сгусток крови. Два передних зуба вылетели прочь.

Мощь. Величие. Непобедимость. Разве могут простые смертные противостоять гневу бога смерти?

— Ты, ублюдок, посмел ударить нашего босса! Жить надоело?

Остальные хулиганы бросились вперед, но, встретившись взглядом с Хань Юем, в котором читался холодный приговор, они застыли на месте. У них даже не хватило духу пошевелиться.

— Что... что происходит? Я не могу двигаться!

Они еще не осознали всей серьезности своего положения. Но разве может обычный человек

одним лишь взглядом заставить других дрожать от ужаса?

— Этой рукой ты ударил мою мать, верно? — Хань Юй смотрел на поверженного желтоволосого, как на ничтожное насекомое.

Тот, кто посмел тронуть мою мать, заплатит своей кровью!

Хруст!

Не дожидаясь ответа, Хань Юй наступил на руку желтоволосого. Раздался отчетливый звук ломающихся костей, рука превратилась в месиво.

— А-а-а!

Крик боли огласил переулок. Теперь, когда матери не было рядом, Хань Юй не собирался сдерживаться. Убийство было неизбежно, и ни боги, ни демоны не могли его остановить.

— А этой ногой ты хотел ударить мою мать, верно?

Хруст!

Он с силой наступил на правую ногу желтоволосого, раздробив кость в пыль.

— А-а! Босс, я был неправ! Простите меня!

Невыносимая боль заставила желтоволосого истошно вопить и умолять о пощаде. Кто бы мог подумать, что у сына слепой женщины такие страшные навыки? Знай он об этом, ни за что бы не пришел сюда! Как же он жалел о содеянном!

Но Хань Юй не собирался проявлять милосердие. Он холодно произнес:

— Теперь просишь о пощаде? Скажи мне, если бы моя мать стояла перед вами на коленях и умоляла, вы бы ее пожалели?

Ответ был очевиден: конечно, нет. Эти бандиты привыкли сосать кровь из слабых, и они выбрали его мать лишь потому, что она была слепа и беззащитна.

— Босс, простите меня, я больше никогда не буду!

— Заткнись!

Хлоп!

Раздраженный шумом, Хань Юй отвесил ему еще один удар. Желтоволосый потерял сознание, едва дыша — даже если его и спасут, он навсегда останется калекой.

Разобравшись с ним, Хань Юй выпрямился и медленно повернул голову. Его ледяной взгляд устремился на остальных хулиганов. Те уже давно дрожали от страха и с глухим стуком повалились на колени.

— Брат, мы поняли свою ошибку! Мы больше не будем, умоляем, не калечь нас!

— Брат, мы просто выполняли приказ, это все наш босс заставил нас! Мы не могли послушаться! Пощади нас!

Они начали бить поклоны, рыдая от ужаса. Еще минуту назад такие надменные и дерзкие, теперь они выглядели жалко и ничтожно.

<http://bllate.org/book/23708/2639324>